

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

Научная статья / Research article

Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг.

Н.В. Эйльбарт

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; ejlbart@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции общественно-политического резонанса среди правящей элиты Речи Посполитой, вызванного появлением в Польше Лжедмитрия I. Реконструкция основана на письмах членов сената королю Сигизмунду III, написанных в ответ на его вопрос о том, как следует поступать с человеком, называющим себя сыном Ивана Грозного и наследником московского трона. Помимо этого вторая часть исследования основывается на инструкциях, данных шляхтой различных земель Речи Посполитой депутатам, отправляемым на сейм в Варшаве, который должен был состояться в январе 1605 г. На нем шли бурные дискуссии относительно похода Лжедмитрия I на Москву, поэтому данные инструкции также являются ценным историческим источником. Письма польских сенаторов, приведенные в настоящей статье, ранее коротко упоминались в исследованиях, посвященных Смутному времени, в настоящее время они хранятся в отделе рукописей Курницкой библиотеки Польской академии наук. Среди них письма канцлера Я. Замойского, литовского гетмана Я. Ходкевича, краковского кастеляна Я. Острожского, познанского кастеляна Я. Острога, брацлавского подкомория Л. Пясечинского, познанского епископа Л. Гослицкого, плоцкого воеводы С. Красинского и сандомирского кастеляна С. Тарновского. В настоящей статье впервые в полном объеме представлены выполненные нами переводы на русский язык фрагментов этих писем, касающихся Лжедмитрия I, поскольку присутствующий в исторической литературе их короткий анализ не отражал всей полноты эмоций и чувств польской правящей элиты относительно данного вопроса. В результате знакомства с вышеуказанными источниками мы пришли к выводу о том, что в полном составе польский сенат был против выдачи самозванца Московскому государству, а в числе этих сенаторов был также канцлер Я. Замойский. Относительно дальнейшей судьбы «царевича» мнения расходились, однако они также носили весьма осторожный характер и не призывали к его немедленной поддержке со стороны короля и Республики.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Московское государство, Лжедмитрий I, Сигизмунд III, польско-литовская элита, общественное мнение

Для цитирования: *Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 920–933. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604

Nataliya V. Eylbart

The Herzen State Pedagogical University; 48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia;
ejlbart@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the socio-political resonance among the ruling elite of the Polish-Lithuanian Commonwealth, caused by the emergence in Poland of False Dmitry I. The Reconstruction based on the letters of members of the Senate to king Sigismund III, written in

response to his question about how to deal with a man calling himself the son of Ivan The Terrible and heir to the Moscow throne. The second part of the study is based on instructions given by the gentry of the various States of the Polish-Lithuanian Commonwealth to deputies sent to the Sejm in Warsaw, which was to be held in January 1605. There were heated discussions about the campaign of False Dmitry I to Moscow, so these instructions are also a valuable historical source. The letters of Polish senators cited in this article were previously briefly mentioned in studies on the Time of Troubles. They are currently stored in the manuscript Department of the Kurnick library of the Polish Academy of Sciences. Among them are letters from Chancellor Y. Zamoyski, Lithuanian Hetman Y. Khodkiewicz, Krakow castellan Y. Ostrozhski, poznań castellan Y. Ostrorog, Bratslav podkomor L. Piaseczynski, poznań Bishop L. Goslicki, Plock voivode S. Krasinski and Sandomierz castellan S. Tarnowski. This article presents for the first time in full the translations of fragments of these letters concerning False Dmitry I, since their brief analysis in the historical literature did not reflect the fullness of the emotions and feelings of the Polish ruling elite regarding this issue. As a result of full acquaintance with the sources, we came to the conclusion that the full Polish Senate was against the extradition of the impostor to the Moscow state, and among them was also the Chancellor Y. Zamoyski. Opinions differed as to the future of the “Prince,” but they were also very cautious and did not call for his immediate support from the king and the Republic.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Moscow state, False Dmitry I, Sigismund III, Polish-Lithuanian elite, public opinion

For citation: Eylbart, Nataliya V. “The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 920–933. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

Введение

В свете многочисленных оценок, которые даются исследователями Смутного времени его первой фазе – появлению на исторической арене Лжедмитрия I, пребыванию претендента в Польше и походу на Москву, ключевым моментом является определение степени участия в судьбе «Иоаннова сына» польской политической элиты (как светской, так и духовной), короля и в целом польско-литовского государства. Действительно, степень этого участия имеет решающее значение в анализе морально-нравственной составляющей взаимоотношений России и Польши, в попытке найти ответ на вопрос, была ли польская политика враждебной Московскому государству на первом этапе самозванства или же ее в большей мере можно охарактеризовать как выжидательную и нейтральную. Нам представляется, что историческая концепция, уходящая своими корнями в дореволюционную российскую историографию, считающая самозванство Лжедмитрия I «польскими кознями», «гнусной польской интригой», «адским замыслом против Московского государства»¹, практически без изменений была транслируема советской исторической наукой. С.Ф. Платонов, например, отмечал, что польское правительство «готово было оказать помощь Димитрию и в пределах международных приличий, не совсем явно и не вполне официально»². В постсоветский период на этот счет писалось немало работ, в ряде из них данная точка зрения ставилась под сомнение. В.И. Ульяновский, например, отмечал, что «поляки не имели особых заслуг в борьбе Лжедмитрия I за престол»³. В.Н. Козляков в монографии «Лжедмитрий I» полагал, что «сенаторы предостерегали короля» от поспешных, решительных и необдуманных действий в отношении объявившегося в польских пределах «московского господарчика», а их советы «должны были бы отвратить его от поддержки самозванца»⁴. Близкая точка зрения

¹ Иловайский Д.И. Новая династия. М., 2003. С. 5.

² Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007. С. 83.

³ Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Кив, 1993. С. 104.

⁴ Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009. С. 53.

характерна для работ польских исследователей (А. Гиршберга, А. Андрусевича, Д. Черской), а также американского исследователя Смутного времени Ч. Даннинга⁵.

Мы уже касались данной темы в одной из предшествующих работ⁶, однако сегодня появилась возможность расширить источниковую базу исследования и более подробно коснуться политических умонастроений, царивших в Речи Посполитой после появления на ее территории первого Лжедмитрия. Дабы преодолеть явные противоречия, имеющие место быть в посвященных самозванцу и Смуте исследованиях и ответить на вопрос, какова была степень поддержки «московского господарчика» в общественно-политическом мнении тогдашней Речи Посполитой, мы традиционно обращаемся к источникам польского происхождения. В отделе рукописей Курницкой библиотеки Польской академии наук (Biblioteka Kórnicka, ВК) сохранились копии писем польских сенаторов королю Сигизмунду III, а также копии инструкций, выработанные местными сеймиками на общий варшавский сейм 1605 г., где обсуждался вопрос о поддержке Лжедмитрия, они и послужили источниковой базой для настоящей статьи. К анализу части этих документов в разное время прибегали, например, Н.И. Костомаров, А. Гиршберг, А. Андрусевич и др., однако он носил обобщающий характер, а перевод на русский язык данных источников в отечественной литературе еще не публиковался. В настоящей статье мы не только вновь в совокупности анализируем эти документы, используя ряд общенаучных и специальных исторических методов (сопоставления, индукции, дедукции, историко-генетический, историзма), но приводим их полный перевод на русский язык (под этим мы подразумеваем полный перевод фрагментов, касающихся Лжедмитрия), что позволит исследователям в дальнейшем судить об их содержании, а следовательно, об умонастроениях магнатов и шляхты, более предметно.

Колебания Сигизмунда III в отношении Лжедмитрия

В отечественной исторической литературе, касающейся Смуты, как уже отмечалось выше, довольно распространенным является аспект морально-нравственного порицания польского короля Сигизмунда III Вазы, по сути разрешившего своим подданным поддерживать Лжедмитрия, несмотря на заключенный с Московским государством мир. При знакомстве с королевской корреспонденцией возникает мысль о том, что в свою очередь сам Сигизмунд весьма боялся нарушения мира со стороны Бориса Годунова, и убежденный некоторыми из своих подданных в опасности, исходящей со стороны восточного соседа, пытался интригой с самозванцем не допустить, как ему казалось, грозящего Речи Посполитой нападения.

Донесение брацлавского подкомория Лавра Пясечинского королю от 20 октября 1603 г., копия которого хранится в Курницкой библиотеке, свидетельствует о действительно большой озабоченности, которую испытывал Сигизмунд относительно известий о появившемся в его владениях самозванце. Уже тогда он боялся «смятения умов», которое пришелец мог произвести среди православной шляхты. По монаршему приказу Пясечинский приехал на Украину в Брацлавское воеводство дабы убедить дворянство дать очередной нужный королю налог, поскольку дворянство соседних воеводств, Киевского и Волынского, отказалось это делать, и Сигизмунд опасался, что эти умонастроения распространятся среди православной

⁵ *Hirszberg A. Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898; Andrusiewicz A. Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania. Warszawa, 1990; Czerska D. Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 1995; Даннинг Ч. Царь Дмитрий // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 39–58.*

⁶ *Эйльбарт Н.В. Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты // Вестник ЗабГУ. 2012. № 12. С. 19–27.*

шляхты и Брацлавского воеводства⁷. В послании государю Пясечинский отмечает, что положение на Украине «весьма небезопасно» и королевский староста Михаил Ратомский подвергается опасности со стороны остерских православных бояр и мещан⁸. «Дела между паном старостой остерским и боярами и мещанами остерскими, возложенные на меня вашим королевским величеством, милостивым моим государем, я разрешил как мог и как разумел», – докладывает Пясечинский королю. – «Но правду говоря вашему королевскому величеству, настало время этому старосте освободиться от опеки этого своевольного холопства, когда, как и при бытности моей там они говорили ему грубые слова и грозили кулаком, немало с ним не считаясь, что весьма небезопасно в этой Украине»⁹.

Биография Л. Пясечинского свидетельствует о том, что это был верный Сигизмунду человек, возвысившийся благодаря королевским милостям, заняв в 1591 году пост одного из сорока королевский секретарей. Будучи, по мнению государя, знатоком Украины и пользующийся авторитетом среди шляхты Брацлавского воеводства, он постоянно посылался от двора на восточные окраины Речи Посполитой с какими-либо делами. Примечательно, что еще летом или ранней осенью 1603 года Сигизмунд дает брацлавскому подкоморию поручение между прочим разузнать о человеке, выдающем себя за царевича Дмитрия. Мы полагаем, что Пясечинский не был заинтересован в сотрудничестве с магнатской группировкой, активно продвигавшей дело лжецаревича на политической арене Речи Посполитой (как мы указали выше, он пренебрежительно отзывался и об остерском старосте Михаиле Ратомском, в будущем активном участнике дела Лжедмитрия I), а посему можно полагаться на объективность того известия, которое он отправляет королю в октябре 1603 года. В частности, он пишет о пришельце следующее: «Что касается молвы в государствах вашего королевского величества о некоем московском господарчике, который именуется сыном московского князя Ивана Васильевича, известного тирана. Как я получил известие, будучи тут в этой Украине, государство Московское весьма встревожено, и земля бурлит. В украинских замках сменяют воевод, видно для дела, и войска наготове. Люди говорят, что князь Борис не желает соблюдать перемирие с вашим королевским величеством, то, что я тут узнал, доношу вашему королевскому величеству как моему государю. Слышно также и то, что немалая часть людей в Москве согласны на этого самого господарчика, и Борис расправился с ними силой тирании»¹⁰.

Исходя из этого донесения, в целом становится понятным поведение Сигизмунда относительно самозванца. Возможно, решающее значение для его величества имели мнения таких проверенных посланников, как Пясечинский, а вовсе не отписки своевольных и лицемерных членов сената или ходатайства за самозванца папского нунция или краковского епископа Мациевского, кузена сандомирского воеводы Мнишка, ставшего его главным покровителем. Волнения на Украине, конечно, вызывали опасение короля и в плане того, что мнимый сын Ивана Грозного мог возглавить казацкую вольницу и повести ее куда угодно (о чем, кстати, предупредил короля и хелминский епископ и коронный секретарь Л. Гембицкий). Значит, по мнению его величества, с этим нужно было что-то делать, как минимум призвать в польскую столицу самозванца и его покровителей. С другой стороны, решение поддержать Лжедмитрия созрело у короля и потому, что Пясечинский докладывал также о смятении в Москве, о поддержке Лжедмитрия большей частью насе-

⁷ *Pulaski K.* Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1911. Т. 39. Р. 135–145.

⁸ Акты об украинской администрации в XVI–XVII вв. Киев, 1907. С. 413.

⁹ ВК 01398, к. 90.

¹⁰ Там же.

ления и главное о том, что Борис Годунов не намерен соблюдать мир и желает первым напасть на Речь Посполитую. Сложно судить, видел ли сам брацлавский подкоморий приготовления «москвы» на границе к нападению, или же сознательно эту идею «подбросил» ему с определенной целью староста Ратомский. Главное – эта информация дошла до короля и заронила в его душу подозрение в ненадежности мира с Борисом. Думается, что движения в пограничных русских крепостях, описанные Пясечинским, действительно имели место быть, однако связаны они были в свою очередь с опасением, что мир не будет соблюдать Сигизмунд и, возможно, поддержит московского самозванца.

Таким образом, встревоженный известиями, доложенными ему Пясечинским, Сигизмунд назначает арендаторам своих земель заплатить кварту (то есть положенную четверть доходов) на обеспечение «обороны Русских краев» (как мы узнаем из ответного письма к нему от познанского кастеляна Яна Остророга). Становится ясным, что король заранее, до приглашения самозванца и его покровителей в Краков, утвердился в мысли оказать ему благосклонность и предупредить, как ему казалось, исходящую от Московского государства угрозу нападения на Речь Посполитую. В феврале 1604 года он рассылает членам сената официальное письмо, полное перечислений доказательств «подлинности» царевича и тех выгод, которые «сын Грозного» может принести Речи Посполитой, не преминув подчеркнуть опасность, исходящую на границе от людей, верных Годунову. О полном содержании письма мы можем судить по варианту, отправленному хелминскому епископу и коронному секретарю Л. Гембицкому, сохранившемуся в Государственном архиве Швеции и переведенного нами на русский язык¹¹.

Мнения польских сенаторов об оказании поддержки Лжедмитрию

С конца февраля по апрель 1604 года королю начинают приходить письма, содержащие ответы на поставленные вопросы. К сожалению, до нас дошло менее половины этих писем, однако, на наш взгляд, они отражают общую тенденцию и, по сути, очень осторожны в суждениях.

Рассмотрим несколько писем польских сенаторов, которые еще не были предметом наших исследований. Следует еще раз подчеркнуть, что все они (кроме фрагментов письма Я. Замојского королю) на русский язык переводятся впервые. Письмо познанского епископа Лаврентия (Вавжиньца) Гослицкого к королю от 27 февраля 1604 г. озвучивает едва ли не самую жесткую из всех ответивших позицию (в этом Гослицкий солидарен со своим коллегой, также представителем польского католического духовенства, Л. Гембицким, чей ответ мы приводили в одной из наших работ)¹². «Что касается москвитянина Димитрия, что якобы является сыном Ивана Васильевича», – пишет епископ, – «то тут есть на что обратить внимание и такой возможностью не стоит пренебрегать. Но мне, вашему слуге, и Совету при вашей королевской милости, вещи эти кажутся туманными, а точнее вымышленными людьми, не заслуживающими доверия, которых ваша королевская милость изволит упоминать в своем письме. Мудрые люди опасаются того, чтобы не принять вещей ложных за правдивые и не сделать на них ставку. Примером является валашская земля, начиная еще от Деспота до самого Яникулы и многих таковых иных, что надевали на себя маску потомков валашских, коими не были, и бесславно также погибли. Мир теперь кишит мошенниками, и такими, что желают быть государями, а как мы видим, это не трудно. Ваша королевская милость узнали это на примере Михалки Разумного и иных.

¹¹ *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 23–25.

¹² *Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий...

Но теперь существуют сомнения насчет хорошего исхода этого дела. Ваша королевская милость изволите видеть, что делается в Речи Посполитой, какую вражду она познала, какое смятение у людей, какой недостаток в деньгах, какие плохие урожаи и почти вымирание подданных, а посему из этого дела по моему мнению не получится ничего хорошего. Принимая это во внимание, Речь Посполитая могла бы ввязаться в большие опасности, от чего упаси Бог. А может быть и так, что придется порушить мир с Московским, тогда неприятелям короны будет дан предлог вступить друг с другом в союз против вашей королевской милости. Ничего не предпринимая, однако же, мне кажется нужно послать к Московскому гонца и узнать, что там происходит и рассказать ему, что до вашего королевского величества доходят известия: у границ коронных находятся люди, что желали бы нарушить общественное спокойствие и происходит это помимо воли вашего королевского величества и в тайне от вас. Спросить его, что с этим делать дальше, а за этим и время укажет дорогу к дальнейшим поступкам. Прошу ваше королевское величество не вербовать никаких солдат, что в поисках счастья и удачи придут к нам домой. Этому же Димитрию втайне говорить добрые слова и не отвращать от нас его сердце. Время покажет нам ко всему дальнейший путь... Господь Бог да ниспошлет удачу вашему королевскому величеству в том, чтобы ранее назначенного часа получить кварту от господ арендаторов земель ваших. К чему присоединиться и я рад, ибо *necessitas frangit legem*¹³. Я уже не вижу способа получения денег и кого смог бы я опередить с этой квартирой, но желаю о том стараться»¹⁴.

Ян Остророг, познанский кастелян, отвечает Сигизмунду III 8 марта 1604 года. Прежде всего, стоит отметить, что в отличие от предыдущих корреспондентов короля Остророг называет претендента на русский престол не «господарчиком» («*hospodarczyk*»), а именно «царевичем» («*carewicz*»). Однако его дальнейшие рассуждения о судьбе «Иоаннова сына» идут не в столь же благоприятном для самозванца русле. «Что касается царевича», – пишет Остророг, – «я очень опасуюсь, что вещь эта может быть вымышленной, в письме писать этого не пристало; если дело это как-то не обрзается, я буду говорить об этом на сейме со своего места то, что Господь Бог даст мне уразуметь. Рассуждая о самой сути, если бы он и был тем, кем называется, тут есть над чем задуматься. С Борисом Годуновым заключен скрепленный присягой мир, дело это большое, и мы обещали ему помогать против его врагов, кем бы они ни были, любым способом. И если бы даже мы и хотели помочь [царевичу], что у нас за готовность? Обещать и то не стоит, ибо легким способом сего не достигнуть. На это нужно войско и война, а мы даже с нарушением права собираем лифляндскую кварту. Но, с другой стороны, висят над нами большие опасности и угнетения, которые не разрешены. Обыкновенных трудностей я уже и не упоминаю, говорю о главных, и понимаю так, что со всех сторон границы этой Короны должны быть в безопасности. Начинать же новую вербовку солдат – вещь весьма опасная, поэтому если не оставить эту мысль вовсе, тогда по крайней мере на этот счет нужно основательно советоваться. Ваше королевское величество изволит вспоминать в письме своем весьма заманчивые вещи для расширения, славы и будущей безопасности Речи Посполитой, но нужно опасаться, чтобы, оттолкнувшись от одного берега, не оказаться во власти борецов. С той стороны стоит войско и упаси Бог чтобы [Годунов] не начал первым, и на это нет ничего лучше предпринять вашим королевским величеством и Речью Посполитой, как *uno ius Regum*¹⁵, которое гласит взяться *in armis*¹⁶, чтобы оно не было использовано против нас. Таким образом, дело это я понимаю так, что было

¹³ Необходимость ломает закон (лат.)

¹⁴ ВК 01398, к. 92.

¹⁵ Одно право королей (лат.)

¹⁶ За оружие (лат.)

бы лучше, чтобы этот царевич не приезжал к вашему королевскому величеству и то, что я пишу ниже, следовало бы учинить без его присутствия у вашего королевского величества. Потому как если он приедет, то его следует или заключить под стражу, или оказать милости, а если признать в нем царевича, то принять как друга. Первое – не по-христиански и *contra iura humanitatis*¹⁷, второе – уже открытая вражда с московским [князем], а ежели еще окажется, что царевич этот самозванец, будет от сего смех и увеличение числа неприятелей вашего королевского величества и Речи Посполитой. Но скоро он уже едет к вашему королевскому величеству, понимаю, *habendus humaniter*¹⁸ и должен увидеть милости и щедроты вашего королевского величества. Стоит сказать ему, что это великое дело, которое и ему *temere*¹⁹ небезопасно начинать, и вашему королевскому величеству помогать ему не пристало. Пообещать ему, однако же, если он настоящий, и если у него *subreptum Regnum*²⁰, принадлежащее ему, что *ex charitate Christiana et magnanimitate Regia*²¹, будете думать о том и советоваться, как только это возможно без ущерба для своей совести и славы Речи Посполитой, и согласно с безопасностью, дабы спасти его. Тем временем посоветовать ему, чтобы он не находился так близко от московского царя, неприятеля своего, в государствах вашего королевского величества, с которым начинать что-либо вашему королевскому величеству не пристало без дальнейшей уверенности в его происхождении, а потом и без основательных консультаций, которые исходили бы от чинов Речи Посполитой. Надлежит указать ему дорогу к Святому Отцу как к *Patrem communem*²², а наипаче *afflictorum*²³, чтобы не только очистился *viatico*²⁴, но и назначить с Неаполем небольшую пенсию, и все это делать *secretissime*²⁵, чтобы и Московский о том не ведал, и этот имел за что благодарить ваше королевское величество. Если же это самозванец, то сие скоро откроется, и он сгинет, если же истинный царевич, то вашему королевскому величеству, как христианскому государю, надлежит *sublevare*²⁶ ему, как страждущему человеку и как тому, в ком течет царская кровь, ибо сами вы являетесь великим королем. Но также нужно издали удерживать его от тех вещей, о которых ваше королевское величество изволит вспоминать в своем письме. Это вашему королевскому величеству будет стоить мало, но может принести много доброго. Сам *casus mortis*²⁷ Бориса вернее отворил бы дорогу и широкие ворота к этим замыслам вашего королевского величества. Но и что-либо другое может Господь Бог указать. Однако сейчас я не советовал бы, чтобы он жил подле вашего королевского величества и предупреждая то, чтобы не было какого по этому поводу посольства от Московского, сразу предлагал бы отправить его от себя и заверить *de silentio*²⁸, а там чтобы кроме самого Святого Отца и нескольких кардиналов никому не открывался. Если отпустить его пастись самому, то я не думаю, чтобы ваше королевское величество не узнали о нем тогда, когда в нем появилась бы надобность, и чтобы он убежал к кому-то другому, кто мог бы его использовать против вашего королевского величества и Речи Посполитой»²⁹. На наш взгляд предложение Я. Остро-

¹⁷ Против человеческих прав (лат.).

¹⁸ Будет удостоен гуманного отношения (лат.).

¹⁹ Страшно (ит.).

²⁰ Украдено царство (лат.).

²¹ Из христианского милосердия и королевского великодушия (лат.).

²² Общему отцу (лат.).

²³ Страждущих (лат.).

²⁴ Причастием (лат.).

²⁵ В строжайшем секрете (лат.).

²⁶ Помочь (лат.).

²⁷ Случай смерти (лат.).

²⁸ Молчать (лат.).

²⁹ ВК 01398, кк. 96–97.

рога в отношении переключивания на римскую курию ответственности по делу самозванца достаточно оригинально, но и оно свидетельствует о том, что и у этого вельможи доводов «за» «царевича» было гораздо менее, чем «против».

Вопреки сложившемуся в отечественной и польской историографии мнению о том, что коронный канцлер и гетман Ян Замойский был категорически против московского самозванца, мы считаем таковое весьма однобоким³⁰. Польские историки выражали подобную точку зрения с целью возвеличивания Замойского, бывшего и остающегося одним из столпов польской патриотической традиции. А посему, по их мнению, он просто не мог положительно отзываться о Лжедмитрии. «Требую присылки Димитрия в Краков», – отмечал польский историк К. Валишевский, – «Замойский, без сомнения, хотел только захватить царевича и этим живо положить конец предприятию... Таков был голос разумной Польши, голос мудро понятого национального блага»³¹. В этом же духе высказывался и польский историк А. Гиршберг: «Смелым планам [короля] решительно препятствовал Замойский. Также в обширном письме он заявил, что подобная вооруженная поддержка самозванца была бы нарушением мира, недавно заключенного с Борисом, и таким образом вещь, противоречащей международному праву. Далее он представлял, с какими трудностями столкнулась бы Речь Посполитая, предпринимая борьбу с ним, без соответствующей подготовки и в связи с не вполне ясными взаимоотношениями с другими соседями, наконец, как далеки и сомнительны были бы те выгоды, которых даже в случае завоевания этим «князьком» московского трона, можно было бы ожидать. Это решительное выступление седого гетмана действительно удержало Сигизмунда от выполнения этих авантюрных планов, но к сожалению не отвратило его от всяческого участия в этом деле»³². Противником самозванца также называют Замойского польские историки А. Андрусевич³³, Д. Черска³⁴; русские историки П. Пирлинг и Н.И. Костомаров. По словам последнего, канцлер «вовсе не верил, чтобы Дмитрий был настоящий царевич, и считал опасным и бесчестным вмешивать в это дело Польшу без воли сейма»³⁵. «Во всяком случае, большинство сенаторов высказывали свое мнение с большой горячностью», – отмечал П. Пирлинг. – «Сенаторские письма пришли на Вавельский замок в первой половине марта. Резкие или уступчивые, они ничуть не помогли королю разобраться в сущности вопроса. Но эта корреспонденция оказалась чрезвычайно выгодной для Дмитрия. Его имя облетело всю Польшу; всюду рассказывалась его история; права его на царство подвергались самому серьезному обсуждению»³⁶.

Советская историография также отмечала патриотические настроения Замойского, в частности, Р.Г. Скрынников писал, что «гетман категорически отверг планы войны и подчеркнул, что авантюра, кроме ущерба, ничего не принесет Речи Посполитой»³⁷. Современный польский историк А. Андрусевич считает, что «на вершине власти происходила явная и скрытая борьба между двумя группами: сторонниками поддержки Дмитрия и его противниками»³⁸.

На наш взгляд, о позиции Замойского нельзя судить столь однозначно, как сделано это в вышеназванных работах. Хотя канцлер довольно недвусмысленно вы-

³⁰ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. М., 1841. С. 24.

³¹ Валишевский К. Смутное время. М., 1993. С. 101, 102.

³² Hirszberg A. Dymitr..., s. 35.

³³ Andrusiewicz A. Dzieje..., s. 136.

³⁴ Czerska D. Dymitr..., s. 28, 29.

³⁵ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 87.

³⁶ Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону, 1998. С. 82–83.

³⁷ Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 41.

³⁸ Andrusiewicz A. Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech. Warszawa, 2009. P. 155.

ступал по этому вопросу на сейме 1605 года и письменно отказал королю в просьбе возглавить коронное войско и при помощи его водворить самозванца в Москве, однако его самое первое письмо на этот счет не выглядит столь бескомпромиссным. «Что касается московского господарчика», – пишет Замоиский королю 1 марта 1604 года, – «то и в истории, и в настоящее время, а именно в делах валашских, есть много примеров, чтобы некие особы брали себе чужие имена, другие же, однако, оказывались настоящими наследниками. Об этом московском еще не знаю, что думать. Его спасение похоже на *agnitio Parentum*³⁹ в комедиях. Если сейчас он находится близко от московской границы, то опасаясь, чтобы с той стороны не было какой-то свары. Сдается мне, чтобы ваше королевское величество до сейма изволили прятать его где-то подальше. *Interim*⁴⁰ ваше королевское величество с господами сенаторами и чинами извольте советоваться о том на сейме, и могут таким образом вещи эти раскрыться и показаться яснее. Не знаю, чтобы когда-нибудь поддерживали мы беглецов из Москвы, но их не выдавали. Далее препоручаю сие лучшему рассмотрению и вниманию вашего королевского величества и господ сенаторов»⁴¹. На наш взгляд, несмотря на дальнейшие высказывания Замоиского, направленные против самозванца, он по крайней мере действительно никогда не призывал выдать его обратно «москалям», а поэтому скорее всего оставлял для себя возможность политического маневра, и по крайней мере весьма примитивно было бы считать его «совестью польской нации», как о том писали авторы XIX века.

Письмо сразу от двух сенаторов, плоцкого воеводы Станислава Красинского и сандомирского кастеляна Станислава Тарновского само по себе необычно тем, что они сообща отвечают королю на личное со стороны государя обращение. Позиция С. Тарновского, если письмо его мы будем считать искренним довольно любопытна, поскольку сандомирский кастелян являлся тестем Замоиского и выражать политическую позицию, отличную от позиции канцлера, ему было бы не с руки. Однако оба эти сенатора происходили с юга Польши, где было некоторое количество сторонников самозванца, и, возможно, данное обстоятельство заставило их посмотреть на это дело чрезвычайно благосклонно. В письме от февраля 1604 года оба сенатора, являясь гостями на магнатской свадьбе в Шидлове, отвечают королю: «Что касается Дмитрия, московского князика, который в государствах вашего королевского величества называется родным сыном Василия Ивановича⁴², великого князя московского, и имеет при себе для доказательства сего верные доводы. Советуем вашему величеству, нашему милостивому государю, задержать его в Короне и считать тем, кем он сам себя считает и каковым считает его Москва, дабы таким образом был он страхом для Бориса Годунова, московского тирана, и князь московский всегда бы боялся того, что когда-либо с помощью вашего королевского величества и Речи Посполитой он может быть посажен на царство. Мы считаем, пускай этот Дмитрий приедет к вашему королевскому величеству, и ваше королевское величество чтобы изволили принять и трактовать его как государева сына. Засим, когда весть эта распространится, московский тиран вздрогнет, а подданные его, во мнении своем о нем, утвердятся. Отсюда большие прибавления были бы двум государствам вашего королевского величества, польскому и шведскому, если бы человек этот посажен был на трон силой оружия. Однако решение об этом пусть ваше королевское величество, наш милостивый государь, пусть оставит будущему сейму»⁴³.

³⁹ Узнавание родителей (лат.).

⁴⁰ Тем временем (лат.).

⁴¹ ВК 01398, к. 189.

⁴² Именно так значится в оригинале (прим. автора).

⁴³ ВК 01398, к. 181.

Литовский коллега Замойского, гетман Ян Карл Ходкевич, также отписался королю на его послание из Риги 19 марта 1604 года⁴⁴. Всецело поглощенный лифляндской компанией, нуждами армии и недоброжелательным приемом жителей Риги, он лишь кратко касался ситуации с самозванцем, однако и его позицию нельзя назвать неблагоприятной Лжедмитрию. Ходкевич не оставлял возможности поддержать его при других, более благоприятных обстоятельствах. Гетман, в частности, писал государю следующее: «Как я уразумел из письма вашего королевского величества, царевич московский чинит большую сумятицу в Москве и поднимает боевой дух людей, и дай Бог, чтобы к добру. Я, желая всяческих приращений отчизне, желая умножения славы вашего королевского величества, но так, чтобы ни один *dispendium*⁴⁵ на свете, поскольку дело это переменчивое, не послужил бы умалением того и другого. Случай заманчивый, но *eventus*⁴⁶ туманный, дела домашние не разрешены и, что наиболее важно, речь идет о перемирии, и если его порушить, то это никогда не принесло бы утешительного эффекта. В этом туманна *commoda*⁴⁷, а опасности верны, как человек молодой, предоставляю это более глубокому рассмотрению вашего королевского величества и господ сенаторов. Итак, я полагаю, что сначала необходим мир в отчизне, прежде чем захочется нам использовать эту оказию *ex oportunitate*»⁴⁸.

Письмо краковского кастеляна Януша Острожского неоднократно упоминалось в исторической литературе, в частности, подчеркивалось то, что он входил в число тех немногочисленных представителей польско-литовской элиты, кому самозванец был лично знаком еще до приезда в Краков. Как известно, в последующем князь Острожский довольно резко высказывался против предприятия самозванца и угрожал даже расправиться с теми, кто поддержит его вооруженной рукой⁴⁹, однако в первом письме он достаточно сдержан. 2 марта 1604 г. магнат пишет королю: «Во-первых, со стороны москвитянина, который называет себя наследником земли московской. Его я знаю несколько лет, вначале он пребывал немалое время в Дерманском монастыре ясновельможного князя, пана отца моего, потом у анабаптистов, кажется, участвовал в их церемониях. Далее, как несведущий, я не могу утверждать, кто он такой. Но дело это *magni momenti*⁵⁰, оно требует общего совета, их милостей господ сенаторов *per modum convocationis*⁵¹ собрать в месте, указанном вашим королевским величеством, чего в одиночку достигнуть трудно. Тем временем я считаю вещью наинужнейшей, чтобы москвитянин этот предстал перед вашим королевским величеством»⁵².

Мнения провинциальной шляхты о поддержке Лжедмитрия

Мнения сеймиков, то есть промежуточных собраний шляхты, избиравшей на них депутатов-посланников на общегосударственный сейм, также выглядят вполне в русле ответов сенаторов. Их мы можем почерпнуть в инструкциях, которые давали депутатам и которые сохранились очень хорошо. В то же время эти инструкции открывают нам и имена послов, большинство из которых принадлежало к старин-

⁴⁴ ВК 01398, к. 99.

⁴⁵ Убыток (лат.).

⁴⁶ Исход (лат.).

⁴⁷ Польза (лат.).

⁴⁸ По возможности (лат.).

⁴⁹ Тюменцев И.О. К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 годах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 33; Граля Н. Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // *Russia Mediaevalis*. 1997. Т. 9. № 1. С. 119–120.

⁵⁰ Важно (лат.).

⁵¹ Путем созыва (лат.).

⁵² ВК 01398, к. 95.

ным сенаторским родам, понесших волю шляхты от той или иной земли Речи Посполитой в столицу государства. Но необходимо понимать, что волеизъявление шляхты было вещью относительной, если не сказать эфемерной. В основе своей всегда нуждавшиеся в деньгах и лишенные политических амбиций мелкопоместные шляхтичи отдавали свои голоса тому или иному кандидату за плату. Вот как об этом саркастически писал современник, польский поэт XVII в. Даниэль Барковский в стихотворении «Банкет на сеймике»:

Пан перед сеймом зовет пировать,
Рада тому невеликая знать.
Но посчитаться-то надобно с паном,
Если откушаешь почек с шафраном,
Если напешься у пана вина –
Честью воздать ему надо сполна,
Стало быть, выбрать на сейм в депутаты,
А коль не выберешь – жди-ка расплаты –
Ежели пан тебя станет поить –
Прежде узнай, чем за щедрость платить⁵³.

В Курницкой библиотеке сохранилось несколько инструкций от различных земель, данные депутатам, избранным на варшавский сейм 1605 г. в декабре предыдущего, 1604 г. Как известно, король не чинил препятствий для сторонников самозванца в начале их похода на Москву, однако формально вынужден был вынести этот вопрос на сейм, вероятно полагая, что само обсуждение проблемы послужит оправданием его тайным действиям. Сеймик Львовской, Саноцкой и Перемышльской земель, проходивший в местечке Сондова Вишня, избрал депутатами лиц, которые затем отметились в истории в качестве сторонников обоих российских Лжедмитриев: Яна Щенского Гербурта (ближайшего соседа Мнишков и личного друга сандомирского воеводы) и Мартина Стадницкого (будущего гофмейстера двора царицы Марины Мнишек). Несмотря на это, инструкция послам насчет поведения касательно вопроса о московском царевиче выглядела достаточно сдержанной. Одиннадцатый ее пункт гласил: «О царике московском, коим он зовется, пускай судят его королевское величество и господа сенаторы, *quid inde*⁵⁴ Речь Посполитая *detrimenti patiatur*⁵⁵»⁵⁶. Таким образом, мы видим, что и сторонники самозванца публично вели себя весьма осторожно, опасаясь всевозможных осложнений в случае неудачи.

Сеймик Киевского воеводства, несомненно, при влиянии князя Василия Острожского вынес несравнимо более жесткую резолюцию. В пятом пункте инструкций сказано: «За Дмитрием, царевичем московским, который какие-то *commoditates* *proponit*⁵⁷, необходимо пристально следить, чтобы не принес он этому государству еще большие трудности, но *ex ut magis non obsesset quam prodesser*⁵⁸. Однако же, посоветовавшись с другими представителями, если это бы было достойно похвалы, позволить, если же не достойно – тогда запретить». На полях инструкции также значится приписка-уточнение: «О москвитянине соглашаться с другими»⁵⁹.

Сеймик Люблинского воеводства скорее пребывал в замешательстве относительно самозванца, нежели готов был вынести основательную резолюцию: «О ца-

⁵³ Польская поэзия XVII века. Л., 1977. С. 124–125.

⁵⁴ Чтобы тогда (лат.).

⁵⁵ Не потерпела никакого ущерба (лат.).

⁵⁶ ВК 01398, к. 59.

⁵⁷ Раздает обещания (лат.).

⁵⁸ Скорее не мешать тому, что принесет пользу (лат.).

⁵⁹ ВК 01398, к. 45.

ревиче московском и о походе людей в московские земли против воли его королевского величества и с нарушением мирного договора. At ex re capundum exit consilium⁶⁰, потому что пока начнется сейм и пока он закончится могут об успехе тамошних дел прийти более точные вести, однако и об этом необходимо сноситься»⁶¹.

Инструкция, принятая на сеймике Дрогицкого повета Подляшского воеводства, призывала, «чтобы мирный договор был сохранен и согласно с этим договариваться с другими депутатами»⁶². Столь же осторожна была и инструкция депутатам от Серадзского воеводства⁶³.

Наконец, инструкция от сеймика Белзского воеводства, во главе которого стоял пожилой воевода Кристоф Нишицкий, оказалась наиболее жесткой из всех вышеперечисленных, в том плане, что однозначно рекомендовала говорить «нет» всяческим начинаниям, касающимся поддержки самозванца: «Своеволие солдатское чрезвычайно ширится, особенно на наших русских окраинах, а более того в это время, когда претерпели грабеж от тех, кто неизвестно по какому праву и неведомо по чьей воле и делу собирается в Москву. Мы желаем, чтобы нескольких из этих распутников лучше всего покарали на сейме *in facie totius*⁶⁴ Речи Посполитой... Дмитрия, московского господарчика, как зовут его, рождение и кондиции не выглядят правдоподобными, и удивительно для нас, кто и по какой причине и каким путем предпринял помощь ему *privata autate*⁶⁵, без постановления сейма. Ничего подобного до этого не случалось, и плохой это в Речи Посполитой пример. Неизвестно, куда это приведет, но знаем то, что ваше королевское величество с теперешним московским государем Борисом Годуновым недавно в Вильно присягнули на мирном договоре, а как для обычных людей, так и для монархов присяга священна, поскольку вашего королевское величество присягали не только за себя, но и за нас. Нам неизвестно, как тогда эти люди отважились начинать что-то против Бориса вопреки присяге вашего королевского величества»⁶⁶.

Выводы

Таким образом, в настоящей статье мы проанализировали некоторые источники, которые, на наш взгляд, достаточно достоверно отображают отношение польско-литовской политической элиты к появлению в пределах Речи Посполитой мнимого сына Ивана Грозного. По нашему мнению, это отношение характеризуется прежде всего осторожностью. Большая часть сената предпочла занять выжидательную позицию: никто из сенаторов не предлагал ни избавиться от самозванца раз и навсегда и выдать его Москве, ни с оружием в руках отстаивать его права на «отцовский престол». Скорее в Лжедмитрии видели запасной козырь, который следует использовать против Годунова и добиваться от него уступок, не прибегая, однако, к действительным военным действиям и не тратя на это и без того скудные средства Республики. Тем более равнодушной к делу претендента оказалась рядовая шляхта, следовавшая за теми магнатами, которые осуществляли властные функции на той или иной территории. Она не становилась и открыто враждебной этому начинанию, ибо между сеймиками и сеймами была предоставлена самой себе и боролась один на один со своими трудностями: малоземельностью и безденежьем, что заставляло

⁶⁰ С другой стороны, поступать в соответствии с обсуждениями (лат.).

⁶¹ ВК 01398, к. 74.

⁶² ВК 01398, к. 77.

⁶³ ВК 01398, к. 68.

⁶⁴ Именем всей (лат.).

⁶⁵ Частным образом самостоятельно (лат.).

⁶⁶ ВК 01398, к. 50-51.

ее искать покровительства более состоятельных и влиятельных собратьев, в том числе и тех, кто решил встать на сторону самозванца.

Из изученных нами документов Курницкой библиотеки следует, что польских король Сигизмунд Ваза благоприятственно отнесся к Лжедмитрию I не столько потому, что за него ратовали немногочисленные покровители и сам претендент обещал монарху приращение польской территории за счет Московского государства. На наш взгляд, главным желанием короля было осуществить «превентивный ход», ибо он боялся нарушения мира со стороны Годунова и на основании получаемых с границы сведений надеялся опередить противника и, по меньшей мере, запугать его появлением «Иоаннова сына».

Следует заключить, что если бы не решительная позиция узкого круга лиц, согласившихся поддержать самозванца людьми и деньгами, а также короля, склоненного этим кругом на свою сторону и движимого страхом возможного нарушения мирного договора с московской стороны, молчаливо соглашавшегося с его предводителями, судьба Лжедмитрия была бы подобна судьбе принца Густава Шведского. Скорее всего, мнимый Дмитрий превратился бы в вечного скитальца по Европе, совершенно бесполезного для недругов династии Годуновых. Ни польские светские и духовные сенаторы, ни шляхта во время пребывания претендента в Речи Посполитой в подавляющем большинстве своем открыто не встали на его сторону и не поддержали это дело. Однако дружественным в этом смысле их отношение к Москве назвать также нельзя: ни один из них не выразил мнение о том, чтобы выдать русскому государству самозванца, уверить Годунова в твердом намерении и дальше соблюдать заключенный посольством Л. Сапеги мирный договор. Исходя из этого, мы считаем польское общественное мнение в отношении Лжедмитрия I выжидательно-благосклонным, по отношению же к возглавляемому Годуновым Московскому государству – выжидательно-враждебным.

Рукопись поступила: 4 февраля 2020 г.

Submitted: 4 February 2020.

Библиографический список

- Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. М.: «Кучково поле», 1841. 210 с.
- Валишевский К.* Смутное время. М.: СП «квадрат», 1993. 310 с.
- Даннинг Ч.* Царь Дмитрий // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 39–58.
- Иловайский Д.И.* Новая династия. М.: Астрель, 2003. 749 с.
- Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. 255 с.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. 799 с.
- Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. 480 с.
- Платонов С.Ф.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М.: АИРО–XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 204 с.
- Скрынников П.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987. 218 с.
- Тюменцев И.О.* К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 годах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 30–41.
- Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев: Либидь, 1993. 289 с.
- Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты // *Вестник ЗабГУ*. 2012. № 12. С. 19–27.
- Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: СО РАН, 2013. 401 с.

- Andrusiewicz A. *Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe ANS, 1990. 335 s.
- Andrusiewicz A. *Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech*. Warszawa: Świat Książki, 2009. 320 s.
- Czerska D. *Dymitr Samozwaniec*. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1995. 255 s.
- Grala H. Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // *Russia Mediaevalis*. 1997. Vol. 9. № 1. P. 119–120.
- Hirsberg A. *Dymitr Samozwaniec*. Lwów: Gubrynowicz & Schmidt, 1898. 205 s.
- Pulaski K. *Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich // Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1911. № 39. P. 135–145.

References

- Andrusiewicz, A. *Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe ANS, 1990 (in Polish).
- Andrusiewicz, A. *Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech*. Warszawa: Świat Książki, 2009 (in Polish).
- Buturlin, D.P. *Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 1841 (in Russian).
- Danning, CH. “Tsar Dmitry.” *Voprosy istorii*, no. 1 (2007): 39–58 (in Russian).
- Повыский, Д.И. *Novaya dinastiya*. Moscow: Astrel' Publ., 2003 (in Russian).
- Kozlyakov, V.N. *Lzhedmitriy I*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2009 (in Russian).
- Kostomarov, N.I. *Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya*. Moscow: Charli Publ., 1994 (in Russian).
- Czerska, D. *Dymitr Samozwaniec*. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1995 (in Polish).
- Grala, H. “Kiyevskie pozhalovaniya samozvantsev 1604 i 1608 gg.” *Russia Mediaevalis* 9, no. 1 (1997): 119–120 (in Polish).
- Hirsberg, A. *Dymitr Samozwaniec*. Lwów: Gubrynowicz & Schmidt, 1898 (in Polish).
- Eyl'bart, N.V. “False Dmitry I and the political elite of the Commonwealth: myths and facts.” *Transbaikalian State University Journal*, no. 12 (2012): 19–27 (in Russian).
- Eyl'bart, N.V. *Smutnoye vremya v pol'skikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii: Kommentirovanny perevod i istoricheskii analiz*. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Pirling, P. *Dmitriy Samozvanets*. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1998 (in Russian).
- Platonov, S.F. *Smutnoye vremya. Ocherk istorii vnutrennego krizisa i obshchestvennoy bor'by v Moskovskom gosudarstve XVI i XVII vekov*. Moscow: AIRO–XXI Publ.; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2007 (in Russian).
- Pułaski, K. “Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich.” *Przewodnik Naukowy i Literacki*, no. 39 (1911): 135–145 (in Polish).
- Skrynnikov, R.G. *Samozvantsy v Rossii v nachale XVII veka. Grigoriy Otrep'yev*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Tyumentsev, I.O. “On the question of the “hidden intervention” of the Polish-Lithuanian Commonwealth against Russia in 1604–1605.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2012): 30–41 (in Russian).
- Valishevskiy, K. *Smutnoye vremya*. Moscow: SP «Kvadrat» Publ., 1993 (in Russian).
- Ul'yanovskiy, V.I. *Rossiyskiye samozvantsy: Lzhedmitriy I*. Kіiv: Libid' Publ., 1993 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Эйльбарт Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Nataliya V. Eylbart, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, The Herzen State Pedagogical University.